

КОГДА И КАК «ПЕРЕВОДИТЬ» ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ

В. И. Мозговой

Донецкий национальный технический университет

Реферат: В статье описывается метод идентификации онимной лексики как основного атрибута права, обозначенного на письме в славянской традиции прописной буквой, и связанная с процессом перехода имени нарицательного в имя собственное проблема адекватного перевода средствами другого языка адресной и / или смысловой информации о собственнике, сосредоточенной в языковой форме официального имени. Определяются пределы возможных изменений в фонетико-графическом и морфолого-орфографическом «рисунке» имени собственного (в данном случае в русско-украинском официальном контексте) на основе выделения в его структуре специфических онимно-языковых единиц – фононимов, графонимов и морфонимов, способных сохранять и адекватно передавать правовую информацию о первичном или современном собственнике в родственной проприальной культуре.

Ключевые слова: перевод, имя собственное, атрибут права, лексическое значение, передача онимной информации.

Вопрос о переводе собственных имен (СИ), традиционно относящийся к области практической ономастики (употребление большой буквы, специфика склонения, передача фонетико-графического «рисунка» и т. п.) все более осмысливается учеными как важнейшая теоретическая проблема. К этому выводу так или иначе приходят не только специалисты, описывающие «поведение» СИ в разных языковых ситуациях, но и простые обыватели, возмущающиеся непререкаемым правом чиновников на трактовку личного имени в документах и официальной политикой, связанной с функционированием любой проприальной единицы в пределах национально и исторически сложившегося языкового социума («Интернет» переполнен подобными возмущениями).

Так, Д. Э. Розенталь, заявляя о трудностях в употреблении прописной и строчной буквы, пишет: «Соответствующий раздел “Правил русской орфографии и пунктуации”... не может охватить все многообразие конкретных случаев. В практике печати наблюдаются колебания и разнобой, находящие свое выражение или в различном написании одних и тех же слов и сочетаний, или в неодинаковом орфографическом оформлении совершенно аналогичных случаев... Причины подобных колебаний связаны в первую очередь со сложностью разграничения понятий “собственное имя – нарицательное имя”. Общая характеристика имени собственного как слова или словосочетания, служащего для выделения именуемого им объекта среди других объектов, не всегда достаточна, равно как нелегко подчас выявление степени индивидуализации названия. Известно, что собственные имена могут переходить в нарицательные, но далеко не всегда легко установить, на какой стадии находится этот переход, завершился он или еще нет [1, с. 5–6].

Еще более категоричен в своих рассуждениях Д. И. Ермолович, исследующий СИ на стыке языков и культур: «Как в средней, так и в высшей школе нашей страны сложилась труднопреодолимая “традиция”: лингвистические свойства и принципы передачи имён собственных изучаются крайне слабо даже в вузах, готовящих специалистов по иностранным языкам. Считается, что имена собственные “переводятся” как бы сами собой, автоматически, сугубо формально. Результатом подобного формального подхода являются многочисленные ошибки, разночтения,

неточности в переводе текстов и использовании иноязычных имён и названий. А иной раз наоборот – возводимая в абсолют “точность” передачи приводит к возникновению неудобопроизносимых, неблагозвучных или обесмысленных имён и названий... Такое положение отчасти объясняется слабой научной разработанностью вопроса. Хотя ономастика (наука о собственных именах) не была лишена внимания лингвистов, ими мало исследовался вопрос о закономерностях межъязыкового переноса лексических знаков этой категории» [2, с. 3].

Итак, сколько бы мы ни описывали конкретные случаи «перевода» СИ с одного языка на другой и ни абсолютизировали принципы транскрипции, транслитерации или практической транскрипции, они не в состоянии обеспечить универсальность подходов к проприальной лексике и привести к выработке единых норм ее функционирования во все более расширяющемся межъязыковом и межкультурном пространстве. Об этом свидетельствуют бесчисленные факты неудачного обращения переводчиков к словарям, пособиям и даже к фундаментальным трудам А. В. Суперанской [3; 4], Р. С. Гиляревского и Б. А. Старостина [5] или Д. И. Ермоловича [2]. Вся их, казалось бы, практическая направленность так или иначе возвращает пользователей к проблеме теоретического осмысления сущности СИ, что закономерно ставит перед учеными ряд вопросов и связанных с ними исследовательских задач.

1. Что такое СИ, какова их социальная природа и в чем специфика ее передачи средствами другого языка? Принципиальность этого вопроса состоит в искаженном понимании сущности СИ, которая максимально обнажается в близкородственной проприальной культуре. Она проявляется в двух случаях:

а) либо в преувеличенном внимании ученых и практиков к языковой составляющей имени (этимологии, фонетике и графике, морфологической структуре), из-за которого легко «спутать» онимную лексику с нарицательной (*К`оваль – Ков`аль – ков`аль* (на этой «норме» настаивает, в частности, О. Пономарив [6, с. 112]), *П`ески – Піски – піск`и* (правильно: *П`ески*); *Ласточкино Гнездо – Ластівчине гніздо – ластівчине гніздо* (правильно: *Ласточкине Гнездо*); *пос. Красный Молочник – Червоний молочар – червоний молочар* (правильно: *Красный Молочник*) или «смешать» ее различные разряды (отчество и фамилию: *Мих`айлович – Михайл`ович, Ив`анов – Ив`анов*; имя и фамилию: *Степ`ан – Ст`епан* и т.п.),

б) либо в стремлении подчинить СИ политическим «вкусам» очередной политической «элиты», которая наносит смертельный удар по социально-правовой основе любой номинации (*Мариуполь – Жданов – Мариуполь, ул. Лермонтова – вул. Генерала Дудаєва, Анна – Ганна, Луганск – Ворошиловград – Луганск – Ворошиловград – Луганск, Николай – Микола, Юзовка – Сталино – Донецк, Елизаветград – Зиновьевск – Кирово – Кировоград* (акты переименования или эквивалентной замены разрушают право первичных собственников на имя); *Донецкий национальный университет – Державний вищий навчальний заклад «Донецький національний університет», Державного вищого навчального закладу «Донецький національний університет»* (при подобной «юридической» правке «закавыченный» университет со статусом национального, не вписанный в парадигму склонения, превращается в лишенное прав неизвестное учебное заведение государственной формы собственности); *Советский Союз – Советський Союз* (некогда великое государство лишается исторической значимости) и, наоборот, *пл. Советская – Радянська* (оказывается, здесь еще функционирует Советская власть?); *Южный микрорайон – Південний мікрорайон* (а его местоположение в городе никого не интересует; правильно *Южный*), *Южный автовокзал – Южний автовокзал* (а в этом случае информация о направлении движения автобусов обязательна; правильно: *Південний*).

Двойственная природа СИ (с одной стороны, это элемент лексической системы языка, а с другой, – средство идентификации конкретного собственника в разных

языковых культурах) предполагает перенести акцент в интерпретации онимного пространства на его правовую составляющую. Ведь с юридической точки зрения любая онимная единица является важнейшим атрибутом общественно-правовой деятельности человека и формальные изменения в ней допустимы только в пределах сохранения правовой информации о собственнике имени. Иными словами, уровень возможного перевода для СИ в отличие от имен нарицательных (НИ), где перевод является обязательным для передачи лексического значения слова, определяется степенью его зависимости от передачи адресной и / или информационно-смысловой функции, сосредоточенной в онимной характеристике субъекта (объекта) номинации.

Дихотомия «лексическое значение – адресно-информационный смысл» становится главным критерием разграничения НИ и СИ, который обуславливает иерархию подходов к употреблению прописной и строчной букв (*Золотые ворота* – «древние ворота в Киеве», но *Золотые Ворота* – «станция метро», в названии которого все составляющие утратили лексическое значение) и пределы возможного перевода их компонентов на украинский язык, например:

*Дом ученых – Будинок учених, Московский Дом ученых – Московський Будинок учених;
Большой театр – Великий театр, Малый театр – Малий театр, Макеевский театр юного зрителя – Макіївський театр юного глядача;*

*гора Высокая – гора Висока, Красная Горка (нас. пункт) – Красна Горка,
Ладозжское озеро – Ладозьке озеро – Ладозьке Озеро (нас. пункт);*

кинотеатр «Звездочка» – кінотеатр «Зв'яздочка», орден Красной Звезды – орден Червоної Зірки, журнал «Огонек» – журнал «Огоньок»;

Министерство образования и науки – Міністерство освіти і науки, Третьи международные Севастопольские Кирилло-Методиевские чтения – Треті міжнародні Севастопольські Кирило-Методіївські читання;

Верховная Рада Украины – Верховна Рада України, Донецкий областной совет (одно юридическое лицо) – Донецька обласна рада, Донецкий облисполком (одно юридическое лицо) – Донецький облвиконком, Облисполком Донецкого областного сонета (два юридических лица) – Облвиконком Донецької обласної ради;

президент компании «Рошен» – президент компанії «Рошен», президент Грузии (в обычном общении) – президент Грузії, Президент Грузии (в официальном дипломатическом протоколе) – Президент Грузії, Президент (Украины) – Президент;

Донецкое Головное управление по защите прав потребителей – Донецьке Головне управління із захисту прав споживачів;

*председатель Московского городского сонета – голова Московської міської ради,
Голова Конституционного Суда Украины – Голова Конституційного Суду України;*

День Победы – День Перемоги (но: автомобиль «Победа»);

*Донецкий национальный университет – Донецький національний університет,
Национальная академия наук Украины – Національна академія наук України;*

Булонский лес – Булонський ліс, Чешский Лес (горы) – Чеський Ліс.

2. Каковы подходы к функционированию и «переводу» СИ в неконтактных и близкородственных проприальных культурах? В большинстве справочных изданий, исследующих проблемы межъязыковой коммуникации в области ономастики, чаще всего предпочитают говорить о переводе иноязычных собственных имен (английских, немецких, португальских, французских, китайских, японских и т. п.), перечисляя возможные случаи транскрипции, транслитерации, транспозиции, благозвучия, тождества, традиции или грамматической адаптации (см., например, [2]). Отмечая практическую важность подобных исследований, заметим, что в неконтактных языках значение и смысл собственного имени часто «спрятан» для новых пользователей, поэтому в большинстве случаев для его адекватной передачи достаточно обладать информацией о различиях в фонетической и графической системах языка-источника и

языка-реципиента. Гораздо сложнее представляется ситуация, сложившаяся в близкородственных проприальных культурах, до недавнего времени функционирующих в общем историческом и правовом поле (это подчеркивает даже академическое издание «Українського правопису», уделяющее основное внимание русско-украинской передаче или переводу имен собственных [7]). Их кажущаяся понятность в сочетании с отсутствием правовой культуры и элементарных сведений о специфике СИ приводят либо к сплошному «переводу» прозрачных компонентов (русс. *Набережные Челны, Красная Поляна, Первомайское, ул. Октябрьская, ул. Красноармейская* – укр. *Набережні Човни, Червона Поляна, Першотравневе, вул. Жовтнева, вул. Червоноармійська*), либо к эквивалентной замене одних национальных имен другими (русс. *Николай* – укр. *Микола*, русск. *Вячеслав* – укр. *В'ячеслав*, укр. *Дяченко* – русск. *Дьяченко*), либо к полному игнорированию перевода как такового (русс. *ул. Независимости* – укр. *вул. Незавісності*). Однако серьезный анализ этих фактов доказывает их несостоятельность с точки зрения права – перевод имени собственного в юридическом контексте возможен только при необходимости передать другому пользователю общепользую или историческую информацию, сосредоточенную в различных разрядах онимной лексики:

– в названиях книг, кинофильмов, статей и т. п., которые информируют о теме произведения: «Герой нашего времени» М. Лермонтова – «Герой нашего часу» (но: телепрограмма «Время», газета «Таймс»), «Звездные войны» – «Зоряні війни» (но: кинотеатр «Звездочка» – «Звьозdochka», а не «Зірочка»), сказка «Золушка» – «Попелюшка» (но: дитячий садочок «Золушка», если это русское по происхождению название);

– в названиях национальных праздников, событий, явлений, организаций, наград, административно-географических объектов и политических учреждений, связанных с межъязыковой социальной или деловой информацией (при этом вторично-переносные названия-«бренды» не переводятся и могут браться в кавычки, утрачивая способность к словоизменению): *8 Марта* – *8 Березня*; *орден Победы* – *орден Перемоги* (но: *автомобиль «Победа», автомобиля «Победа»*); *Великая Отечественная война* – *Велика Вітчизняна війна*; *страны Большой семерки* – *країни Великої Сімки*; *Большой каньон* – *Великий каньйон*; *Great Brit* – *Великобританія* – *Велика Британія* (в переводном компоненте информация об империи); *Великая Октябрьская социалистическая революция* – *Велика Жовтнева соціалістична революція* (но: *ул. Октябрьская* – *вул. Октябрьська*); *Красное море* – *Червоне море*; *Красная Армия* – *Червона Армія* (но: *ул. Красноармейская* – *Красноармійська*); *г. Углегорск* – *м. Вуглегорськ* (в переводном компоненте – информация, связанная с «вугіллям», но: фамилия *Углегорський*, не имеющая отношение к «вугіллю»); *Открытое акционерное общество «Донецкая угольно-энергетическая компания»* – *Відкрите акціонерне товариство «Донецька вугільно-енергетична компанія»*, *Відкритого акціонерного товариства «Донецька вугільно-енергетична компанія»*; *Дальний Восток* – *Далекий Схід* (но: *Владивосток*); *Южные авиалинии* – *Південні авіалінії* (но: *Южносахалінськ*); *Северный Ледовитый океан* – *Північний Льодовитий океан* (но: *Североморськ*) и т. п.

– в названиях улиц, проспектов, площадей, вокзалов, носящих мемориальный характер (в их структуре в этих случаях часто присутствует дата или к ним можно добавить слово «имени»): *Северный автовокзал* – *Північний автовокзал* (значимая для всех информация о направлении движения автобусов, но: *зупинка «Северный Автовокзал»*); *ул. (имени) 8 Сентября* – *вул. 8 Вересня*, *пр. (имени) Шахтостроителей* – *пр. Шахтобудівельників*; *пл. (имени) Независимости* – *пл. Незалежності*; *ул. (имени) 250-летия Донбасса* – *вул. 250-річчя Донбасу*, *ул. (имени) Советской Армии* – *вул. Радянської Армії* (но: *вул. Советська*) и т. п.

3. В чем специфика передачи социально-правового статуса СИ по сравнению с речевыми употреблениями? Практика бытования СИ в речи принципиально отличается от их официальных употреблений. Они появились при необходимости документально закрепить за конкретным собственником его имущественное право в соответствующих разрядах онимной лексики:

- имени-кличке (*Беспят, Безнос, Брех, Нечай, Ратибор*);
- личном имени (*Иван, Николай, Радмила, Елизавета*);
- имени отца (*сын Юрия – Юрьев сын – Юрьевич, укр. Юрійович; дочь Николая – Николаева дочь – Николаевна, укр. Николаївна*);
- протофамилии-прозвище (*Марфа Посадница, Василий Темный, Иван Грозный, Иван Великий, Ярослав Мудрый, Владимир Красное Солнышко*);
- первично мужских родовых фамилиях, поскольку женские существовали только «по принадлежности», склоняясь лишь в форме существительного женского рода: *Иванов, Николаев, Толстой; Гнедич – Гнедичу Владимиру, но Гнедич Татьяне, Терлак – Терлаку Ивану, но Терлак Людмиле, Осипенко – Осипенку Олександру, но Осипенко Марині, Бегма – Бегмі Михайлу и Бегмі Катерині*;
- других классах онимной лексики, фиксирующих постоянно расширяющуюся имущественную, производственно-административную и духовно-политическую деятельность человека (топонимах, урбанонимах, эргонимах, хрононимах, теонимах и т. п.).

Все они требовали четких норм передачи в отличие от авторских употреблений. У последних, поскольку в художественно-поэтической и образно-разговорной речи разряды онимной лексики трудноразличимы (*Днепр* – не только река, но и город, а *Питер* – не только личное имя), языковые барьеры размыты, а в родственных языках вообще стерты, специфической «нормой» бытования становится вариативность и не подлежащее контролю авторское имитворчество, вплоть до появления межъязыковых эквивалентов: *Алекс – Олекса – Александр – Саша – Олександр – Сашико – Саня; Людмила – Люся – Люсьен – Ляля; Дмитрий – Дмитро – Митя – Митяй – Дима – Демьян – Димон; Владимир Владимирович – ВВ – Владимир – Влад – Вова – Вовчик – Володимир – Володимирович – Вован; Горловка – Горлівка – Город химиков; Донецк – Юзовка – Шахтерская столица; Енакиеве – Єнакієве – Єнакіїве; Єнакіївський металургійний завод – Єнакієвський металургійний завод* и т. п. Именно поэтому описать все случаи межъязыкового функционирования СИ в речевом пространстве практически невозможно, на что «жалуются» специалисты, пытающиеся «втиснуть» свои рекомендации в жесткое «прокрустово ложе» теории перевода, хотя главным в этом случае является передача авторских коннотаций любыми языковыми способами.

Совсем другая тенденция постепенно складывается в официально-правовой практике передачи СИ в близкородственных проприальных культурах. Она требует выработки обязательных правил их функционирования для всех категорий граждан, включенных в государственно-национальную парадигму имущественной, производственно-административной и духовно-политической деятельности. Аксиомой для теории функционирования СИ в официальной сфере должны стать следующие правовые истины:

1. Социально закреплённый статус неприкосновенности собственного имени и обязательность норм его официальной передачи;
2. Отмена права чиновников на эквивалентный перевод имен и переименование объектов номинации без социально-правового и научного обоснования.
3. Запрет на межъязыковую вариативность СИ, разрушающую идентификацию собственника имени.

При этом главным основанием для разработки правовой концепции происхождения онимной лексики может стать утверждение о том, что при ее языковой

передаче следует сохранять право первичного или ныне действующего собственника на имя. Такой взгляд на природу СИ не только отменяет эквивалентную вариативность (*Анна – Ганна, Николай – Микола*), перевод онимной лексики (*Никитовка – Микитівка, Никольское – Микільське, Приятное Свидание – Приємне Побачення, Речное – Річкове* или *Річне*) или переименование объектов номинации без согласия собственников (*Луганск – Ворошиловград – Луганск, Мариуполь – Жданов – Мариуполь*), но и не допускает изменение формы при невозможности определения первичного собственника. Если собственниками имен являются, например, *Владимир, Николай, Елена, Вячеслав, Михаил, Александр, Никита*, то сберечь их право на имя в украинской проприальной культуре могут только формы *Владимир, Ніколай, Єлена, Вячеслав, Михайл, Александр, Нікіта* (а не *Володимир, Микола, Олена, В'ячеслав, Михайло, Олександр, Микита*). Если «первичным собственником» топонима *Николаев* является русский император Николай I, значит, эту информацию в «украинском исполнении» может передать только вариант *Ніколаїв* (при этом замена суффикса *-ев* на *-їв* не «вредит» собственнику в отличие от переводной формы *Миколаїв*), а первично русские географические названия *Приятное Свидание, Речное* должны максимально точно передать заложенный в них смысл и информацию в украинском произносительном контексте – *Приятне Свидання, Рєчне*.

Согласно такой методики юридически правильными следует считать украинские варианты *Ніколайович* от *Ніколай* и *Миколович* от *Микола*; *Горловка* от *Горлов* и *Київ* от *Кий*; *Внуково* (Россия), но *Єнакієве* (Украина) и *Єнакієвська рада* от *Єнакієв* (а не *Єнакіївська*); *Святогірськ* от «*Святі Гори*», *Тернопіль* от славянского «поле», но *Константинополь* (а не *Костянтинопіль*) от греческого *полис* в честь императора *Константина*. Ее может поколебать только утеря информации о первичном собственнике и распространение значимой для мира другой информации (например, *Севастополь* «легендарный, героический, город русской славы», а не *Ахтиар* – татарское село со значением «белый родник», о котором забыли).

4. Каковы пределы формальных трансформаций при передаче СИ в родственных проприальных культурах? В родственных проприальных культурах возможностей для формальных изменений может быть гораздо больше, нежели в неконтактных языках, чем это может показаться на первый взгляд. Это обусловлено почти стопроцентной понятностью графики, особенностей произношения и структурно-морфологических характеристик. Вот почему велик соблазн *Горловку* и *Одессу* обозвать *Горлівкою* и *Одесою*, *Дмитрия* и *Евгения* – *Дмитром* и *Євгеном*, фамилии *Пономарев, Антонов* и *Ковалев* фиксировать в украинском звучании как *Пономарів, Вінтонів* и *Ковалів* (или наоборот), а русские варианты названия оставить в украинском написании без изменения (*Мукачево, Сімферополь, Кацівелі*), как и антропонимы *Івановна, Бережной, Юр'євна, Мірослав, Владімір* и т. п.

Между тем определение уровня возможных фонетико-графических и морфологических изменений в структуре онимной лексики должно зависеть от адекватности передачи её адресной и / или информативной функций, сосредоточенных в фононимах, графонимах и морфонимах – наименьших функциональных межъязыковых единицах проприальной лексики для различения правовой информации, заложенной в структуре СИ (см. : [8]). Иначе попытки приспособить русские варианты названий и имен к «родному» языку (абсолютизация языковых явлений) программирует правовую некомпетентность, а жестче – разрушение объектов номинации и правовой беспредел в отношении прав человека, например:

1. Первично русское название города *Углегорск*, переданное в украинской официальной традиции вариантом *Вуглегірськ* (правильно: *Вуглегорськ*), демонстрирует непонимание различий на уровне произношения в родственных языках, не затрагивающих смысл поименованного объекта, и фонетико-морфонимных изменений,

разрушающих информацию о городе – произношение [e] как «э», добавление протетического [в] и мягкость в суффиксе *-ськ-* подчеркивают информацию о славянском происхождении онима, связанного с углем, а вот замена корня *-гор-* на *-гір-* под влиянием якобы «фонетического чередования» превращает город в гору. С этой точки зрения и ул. *Горная* в Донбассе должна звучать как *Гірнична*, а в Карпатах – как *Гірська* (а не *Горна* чи *Гірна*);

2. Паспортные казусы с превращением *Александра* в *Олександра* (и наоборот) и официальная трансформация города *Одесса* (от греч. *одессос* «путь, дорога») в украинский официальный вариант *Одеса*. который опирается якобы на фонетическую «традицию», на самом деле свидетельствуют о непонимании сути графонимных изменений, искажающих первичных собственников имени (правильно в украинском языке *Александр* и *Одесса*).

3. Административно-юридическая передача географических названий, образованных первично от русских фамилий, при замене морфонимов *-ов-*, *-ев-* на *-ів-*, *-їв-* уничтожает первичного собственника (поэтому правильно не *Ворошилівський район*, а *Ворошиловський* от *Ворошилов*, *Єнакієве* от *Єнакієв* и, конечно, *Горловка* от *Горлов*), тогда как в названиях, образованных от русских имен, такие фонетические изменения вполне логичны: *Авдіївка* от *Авдій*, город *Николаїв* от имени русского императора *Николай* (а не *Николаєв* или *Миколаїв* от поэтического цар *Микола*). Точно так же от установления смысла морфонимов *-поль-* // *-піль-* зависит информация о первичном собственнике и возможность / невозможность их варьирования в русско-украинском контексте (*Севастополь*, *Мариуполь*, *Константинополь* – *Севастополь*, *Маріуполь*, *Константинополь* – «*полисы*», связанные с греческой культурой, но *Тернополь* – *Тернопіль*, *Доброполье* – *Добропілля* – названия, связанные со славянским «*полем*»);

4. При сохранении финали *-о* в украинских географических названиях от притяжательных прилагательных (*Мукачєво*, *Корольово*) населенные пункты Закарпатья «передаются» России. На самом деле морфонимом (суффиксом) *-о* идентифицируется русская национальная собственность (*Домодєдово*, *Внуково*), морфонимом (окончанием) *-е* – украинская (*Дебальцєве*, *Ханжонкове*, *Мукачєве*, *Рівне*, *Корольове*), а их словоизменение отличается от склонения фамилий: укр. *поїхав до Єнакієва* – к кому-то в гости, но *поїхав до Єнакієвого* – в город (ср.: русск. *Киров*, *Пушкин* – *Кировым*, *Пушкиным* – фамилии, но *Киров*, *Пушкино* – под *Кировом*, под *Пушкином* – географические названия; к *Пушкину* – к писателю, но к *Пушкино* – к населенному пункту). Таким же образом при воспроизведении в украинском языке форм типа *Кравец* и *Лифшиц* следует помнить о фононимах [ц] – [ц'], идентифицирующих славянских – неславянских собственников (русск. *Швец* – укр. *Швець*, *Швеця*, *Швецю*; русск. *Кролевец* – укр. *Кролевець*, *Кролевця*, *Кролевцю*; русск. *Паляница* – укр. *Паляниця*, *Паляниці*, *Паляницю*; но русск. *Клаузевиц* – укр. *Клаузевиц*, *Клаузевица*, *Клаузевицу*; русск. *Кац* – укр. *Кац*, *Каца*, *Кацу*).

Нормы официального написания или перевода онимной лексики на стыке языков и культур действуют лишь настолько, насколько они не противоречат правовому статусу имени. Адекватность фиксации СИ в родственных или общих проприальных культурах в большинстве случаев зависит не столько от особенностей произношения, сколько от точной передачи правовых отношений, сосредоточенных в информационно-смысловых элементах собственного имени – графонимах, фононимах и морфонимах, разработка теории функционирования которых еще ждет своих исследователей.

РЕЗЮМЕ

У статті описуються методи ідентифікації і презентації онімної лексики як основного атрибута права і вживання великої літери. Аналізуються проблеми

адекватного перекладу чи передачі засобами іншої мови адресної і/або змістовної інформації про конкретного власника, зосередженій у мовній формі офіційного імені.

Ключові слова: переклад, власна назва, атрибут права, лексичне значення, передача онімної інформації.

SUMMARY

The article considers methods of identification and presentation of onym lexics as a main legal attribute with help of capital letters. The author analyses problems of adequate translation or transfer of address and/or meaningful information about a concrete owner by means of different language, when such information is given in a lingual form of official name.

Key words: translation, proper name, legal attribute, lexical meaning, transfer of onym information.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Розенталь, Д. Э. Прописная и строчная? (Опыт словаря-справочника) [Текст] / Д. Э. Розенталь – М. : Рус. яз., 1985. – 328 с.
2. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур [Текст] / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 200 с.
3. Суперанская, А. В. Лингвистические основы практической транскрипции имен собственных [Текст] : автореф. дисс. ... к. филол. н. / А. А. Суперанская. – М., 1958. – 23 с.
4. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
5. Гиляревский, Р. С. Иностранные имена в русском тексте [Текст] / Р. С. Гиляревский, Б. А. Старостин – М. : Международные отношения, 1978. – 239 с.
6. Пономарів, О. Культура слова [Текст] : Мовностилістичні поради. 3-тє вид., стереотип. : [навч. посібник] / О. Пономарів – К. : Либідь, 2008. – 240 с.
7. Український правопис [Текст] / НАН України, Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні; Інститут української мови. – К. : Наукова думка, 2005. – 240 с.
8. Мозговий, В. І. Фононіми, морфонеми, графонеми, або методика передачі власних назв засобами спорідненої мови [Текст] / В. І. Мозговий // Функціональна лінгвістика : збірник наукових робіт / Кримський республіканський інститут послєдипломного освіти; науковий редактор А. Н. Рудяков – Симферополь, 2010. – Том № 2. – С. 102—104.

Надійшла до редакції 04.09.2013 р.